

УДК 94(47+57)«1917»

**ДЕЗЕРТИРСТВО СОЛДАТ РУССКОЙ АРМИИ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ
В ФЕВРАЛЕ – ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА****А.В. ПОПОВ***(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)*

Рассматривается проблема дезертирства солдат русской армии на Западном фронте в феврале-октябре 1917 года. Оценивается степень изученности данного вопроса в дореволюционной, советской, современной отечественной и российской историографии. Анализируется комплекс социально-политических и экономических причин, приведших к слабости власти, развалу армии и, как следствие, к дезертирству. На основе широкой источниковой базы показана динамика численности дезертиров в 1917 году, а также меры по борьбе с данным явлением, проводимые Временным правительством.

Ключевые слова: *дезертирство, Западный фронт, Первая мировая война, Февральская революция, Временное правительство.*

Введение. 1917 год – время коренной ломки общественно-политической системы России, трансформации взаимоотношений власти и общества.

Беларусь, разделенная линией фронта, находилась в сложном положении. На ее территории дислоцировалась огромная армия, которая к тому же переживала не лучшие времена. Самым тяжелым ее недугом, во многом предопределившим судьбу России и ее западных окраин, стало повальное дезертирство. Эта проблема, к сожалению, по разным причинам не стала предметом специальных исследований и требует своего всестороннего изучения.

Основная часть. Изучению проблемы дезертирства в годы Первой мировой войны положили начало современники событий, деятели Белого движения, эмигрировавшие после революции. Н.Н. Головин – автор работы «Россия в Первой мировой войне» анализирует различные аспекты участия России в войне: процесс подготовки и мобилизации армии, проблемы ее снабжения, ход войны и ее влияние на настроения армии и тыла. Затрагивая вопрос дезертирства, Н.Н. Головин рассматривает проблему статистической отчетности в русской армии. Он подчеркивает, что сбор данных был организован бессистемно, хаотически, что повлияло и на статистические сведения о дезертирах. В книге присутствуют сведения о количестве дезертиров с начала войны до августа 1917 года, но недостаточно изучены истоки дезертирства, как социального явления [7].

В советской историографии проблема дезертирства в годы Первой мировой войны затрагивалась только в контексте общего разложения армии. Традиционно считалось, что дезертирство – это форма сопротивления солдат, уставших от войны, и воспринималось оно как проявление революционных настроений в армии [17].

Как в советской, так в российской и отечественной историографии отдельно проблема дезертирства в русской армии за период Первой мировой войны также не нашла обстоятельного изучения. Вопрос дезертирства рассматривался в комплексе, совместно с анализом боевых действий русской армии в годы войны или же в контексте разложения армии после февральских событий 1917 года. Среди подобных работ следует выделить исследования М.В. Оськина [11; 12], А.Б. Асташева [1], В.П. Булдакова [6]. Следует отметить, что данные работы касаются дезертирства лишь в общем контексте анализа событий войны и вскользь упоминают факты дезертирства на Западном фронте.

Детально феномен дезертирства не рассматривали и отечественные историки.

Например, в обобщающей работе по истории Февральской революции, автором которой является И.М. Игнатенко, дезертирство упоминается при характеристике работы I съезда военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта [9]. В большинстве современных исследований дезертирство рассматривается на общем фоне событий 1917 года в армии в целом и на Западном фронте в частности. Так, например, в научно-популярной работе В. Бондаренко «Утерянные победы Российской империи» проводится анализ боевых действий на территории Беларуси в 1914–1917 годах, и затрагиваются процессы разложения русской армии, но о дезертирстве автор упоминает фрагментарно, затрагивая эту проблему как одну из многих в процессе разложения армии [5].

Аналогичную позицию занимает и В.Н. Белявина в работе «Беларусь в Первой мировой войне». Автор исследует различные стороны жизни белорусского общества в годы Первой мировой войны, но проблему дезертирства также упоминает лишь косвенно, в контексте анализа процесса разложения армии [4]. Отдельно следует отметить работу М.М. Смольянинова, в которой дана обстоятельная оценка морально-боевого состояния русской армии на Западном фронте [18].

База источников о дезертирстве в 1914–1917 годах на территории Беларуси расширилась после издания сборника документов «Беларусь в Первой мировой войне», где в разделе «Военное положение в Беларуси» представлен документ о дезертирстве в регионе из фондов Национального исторического архива Беларуси. Данный документ, датированный 1915 годом, позволяет сформировать некоторое представление о корнях дезертирства. В этом же сборнике опубликован ряд документов, свидетельствующих о разложении русской армии в конце войны [3].

В фондах Национального архива Республики Беларусь имеются некоторые материалы, затрагивающие вопросы дезертирства и борьбы с ним на территории Беларуси [13, 14].

Итак, как показывает приведенный историографический обзор, проблема дезертирства в русской армии в годы Первой мировой войны исследована недостаточно, она требует глубокого изучения и осмысления ее причин, что делает рассматриваемую тему еще более актуальной.

Отречение Николая II от престола было встречено частью населения восторженно не только в Петербурге, но и в провинции, в частности на территории белорусских губерний. Так, например, в Минске городская дума 5 марта 1917 года постановила «выразить новому правительству и верховному главнокомандующему в лице Его императорского высочества Николая Николаевича от имени городской думы и всего населения города Минска чувства восторга, вызванные введением нового государственного строя в России, и готовности всемерно содействовать и служить ему» [10]. Новое «народное правительство» приветствовали Минские казенная палата, казначейство, податная инспекция [10].

Армия, как отмечает М.М. Смольянинов, стала после февраля 1917 года ареной острой борьбы партий за влияние на массы на Западном фронте [18, с. 64].

Прифронтовое положение белорусских губерний в значительной степени влияло как на восприятие населением Февральской революции, так и на развитие общественных настроений в целом от февраля до октября. Можно сказать, что именно армия, солдаты на фронтах были тем «термометром», по которому следует измерять температуру общественных настроений. Как отмечал Я.И. Трещенок: «События в прифронтовой Беларуси оказались в полной зависимости от положения на Западном фронте. Нельзя говорить о революции «в Беларуси и на Западном фронте», следует говорить – «на Западном фронте и Беларуси». Потому что все зависело от солдатской массы, оказавшейся на Западном фронте под определяющим эсеро-большевистским влиянием [19, с. 167].

Но к началу 1917 года армия уже была разложена. Можно согласиться с С.Н. Базановым, который писал следующее: «Развал русской армии начался задолго до Февральской революции 1917 года и явился объективным необратимым результатом краха самодержавия» [2, с. 55]. С весны 1917 года в русской армии значительно возрастает количество дезертиров. Согласно предписанию генерала Лукомского для борьбы с дезертирством предлагалось организовывать облавы, а также назначать караулы в узловых пунктах и возвращать пойманных дезертиров в части [15, с. 30].

Организация облав и организация караулов – это лишь способы решения проблемы, а каковы причины дезертирства? По-нашему мнению причины дезертирства кроются не только в непопулярности войны и усталости солдат, но и в активной пропагандистской работе политических партий, прежде всего, партий большевиков и эсеров. Пропаганда данных партий носила ярко выраженный антивоенный характер, справиться с растущей популярностью лозунгов большевиков и эсеров, направленных против войны, Временное правительство, теряющее авторитет, не могло. Важным фактором, вызвавшим рост дезертирства, также была нерешенность аграрного вопроса в крестьянской стране. И поэтому естественно, что армия, в большинстве своем состоявшая из крестьян, решила «голосовать ногами».

Следует отметить, что дезертирство существовало в русской армии и до февраля 1917 года. Так, по сведениям М.М. Смольянинова к концу 1914 года и особенно в 1915 году дезертирство получило широкое распространение, как стихийная форма антивоенного движения. Уже в сентябре 1914 года новогрудский уездный исправник телеграфировал минскому губернатору о том, что следует «всех нижних чинов Лидского полка полагать беглыми с театра военных действий» [18, с. 17]. Особенно распространенным было бегство солдат из поездов в пути следования на фронт. Об этом свидетельствуют многие донесения, рапорты и телеграммы начальствующих лиц в вышестоящие органы власти [18, с. 17].

Одной из мер борьбы с дезертирством было создание контрольных районов (участков) в тылу армии. Такие участки были созданы в Петроградском (в Лифляндской, Эстляндской, Петроградской, Новгородской, Тверской и Ярославской губерниях) и Двинском (в Витебской и Псковской губерниях) военных округах. Командовали участками генералы, подчинявшиеся напрямую начальникам штабов армий. Они отвечали за «фактическую и экстренную» ликвидацию обнаруженных беспорядков, предавая военно-полевому суду провинившихся в уголовных преступлениях и немедленно возвращая по этапу виновных в дезертирстве в их части. Подобные участки под командой особо назначенных офицеров вводились и в районе Западного фронта на направлениях Мозырь – Гомель, Минск – Смоленск, Слуцк – Рогачев, Минск – Могилев. Их задачей было задержание всех «праздношатающихся» нижних чинов, а также производящих бесчинства чинов мелких команд, следующих без офицеров. Кроме того, все крупнейшие

прифронтовые города на Западном фронте: Смоленск, Бобруйск, Вязьма, Рославль, Орша, Гомель, Брянск – были разбиты на участки. В них было введено патрулирование особых военно-полицейских команд [1, с. 486–487]. Для отправки дезертиров в действующую армию все уезды фронтов, согласно предписаниям Главного Управления Генерального Штаба и Ставки, были приписаны к особым распределительным пунктам. Распределительные пункты Западного фронта были расположены в Гомеле и Смоленске [1, с. 489].

Дезертирство существовало в различных формах. А.Б. Асташов указывает на характерные для Западного и Северного фронтов формы дезертирства: бродяжничество, самовольные отлучки, отставание от эшелонов, езда без документов, с просроченными документами или по подложным документам, езда с документами, подписанными кем-то вместо командира части, «командировки» за покупками, езда не по тому направлению, которое указано в документах... Такие формы ухода от войны были вызваны, с одной стороны, громадным масштабом позиционных работ на этих фронтах, усиленным контролем со стороны командования всей прифронтовой зоны, как бы «прикреплявшим» солдат к ней, а с другой – близостью гражданской территории, позволявшей в ней «раствориться» [1, с. 472].

Важное влияние на процесс развала армии оказал «Приказ № 1», изданный Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов 1 марта 1917 года. Уже в марте 1917 года на Западном фронте многими военачальниками отмечался факт падения дисциплины и боевого духа в армии, вред хлынувших в армию изданий, в частности газеты «Известия», воззваний и приказов Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, в которых солдаты во многом не разбираются и большинство сведений принимают на веру [8, с. 86].

Падение общей дисциплины в армии, естественно, повлияло на рост дезертирства. Как подчеркивает М.В. Оськин: «Размах массового дезертирства после Февраля и вплоть до Октября и выхода России из войны постепенно принял характер самодемобилизации российских Вооруженных сил. 2 миллиона солдат – в эту цифру входят как непосредственно дезертиры и уклонисты, так и те солдаты тыловых гарнизонов, что так и не отправились в окопы. Но, свалив все грехи на старую власть, 14 марта Временное правительство выпустило помилование в отношении преступлений, предусмотренных военным законодательством. Здесь погасалась ответственность военнослужащих за кражу, порчу и расхищение казенного имущества; уклонение от службы; дезертирство (при условии добровольной явки до 1 мая); нарушение воинского чинопочитания и принципов подчинения; освобождение из разряда штрафных; смягчение наказаний за тяжкие преступления» [12, с. 58]. Согласно приказам командования, из беглых солдат-дезертиров, добровольно являющихся и (или) задерживаемых в военных округах, на месте формировались маршевые роты, которые отправлялись в тыловые этапы фронтов [12, с. 58].

С ростом дезертирства командованием Западного фронта в ближайшем к фронту тыловом районе были организованы разъезды из казаков для патрулирования и задержания ушедших с передовых позиций солдат. В борьбе с дезертирством командование применяло разные меры – от дисциплинарных до морально-психологического воздействия. За дезертирство солдат отдавали под суд, фамилии дезертиров публиковались в печати для предания широкой огласке, о них сообщалось по месту жительства родных. Войсковые комитеты активизировали агитационную работу, разъясняя солдатам всю позорность дезертирства [18, с. 75].

При планировании наступательной июньской операции 1917 года Временным правительством были предприняты новые меры борьбы с дезертирством.

25 апреля 1917 года по Гомельскому гарнизону был издан приказ № 82, который объяснял, как следует поступать с дезертирами. Согласно приказу всех задерживаемых на вокзале и в городе солдат предписывалось передавать на 143 этап. Далее солдат сортировали. Тех, кто имел документы, но отстал от проходящих эшелонов, передавали на распределительный пункт. Всех жандармов, полицейских и стражников, а также новобранцев и не проходивших строя ратников направляли к Воинскому начальнику. К Воинскому начальнику также направляли всех поступающих к нему дезертиров. Всех солдат утравивших, либо не имевших документы, согласно приказу, было велено передавать на 143 этап для установления их личности и разбивки [13, л. 35].

В качестве специальных способов борьбы с дезертирами можно рассматривать следующие, обозначенные в приказе: на распределительном пункте города Гомеля обмундирование выдавалось лишь солдатам, едущим на фронт и имеющим свои документы. Солдатам, следовавшим на фронт и не имевшим документов обмундирование, не выдавалось, а направлялось при часовом с эшелоном и сдавалось всей партией на последнем армейском этапе. Солдатам, отправляемым в тыловые учреждения, обмундирование совсем не выдавалось, и люди отправлялись в платье, в котором они прибыли на пункт. Лишь при полном отсутствии какой-нибудь части обмундирования, таковая выдавалась из имеющегося запаса старых поношенных вещей [13, л. 35].

14 мая 1917 года Заведующий Гомельским распределительным пунктом по строевой части подал начальнику гарнизона города Гомеля рапорт за № 21124, в котором указывал на то, что дезертиры занимаются продажей казенного обмундирования, нанимаются на работу к частным лицам, получают пита-

ние, пользуясь неразберихой, а также предлагал меры борьбы с дезертирами на Западном фронте (*далее текст рапорта приводится полностью – А.П.*). «В виду того, что с 15 мая, на основании приказа Военного министерства и распоряжения Временного правительства, дезертиры добровольно не явившееся, подлежат задержанию и преданию суду, прошу Вас войти в соглашение с Военной секцией о способах и мерах борьбы с дезертирством. При этом считаю нужным донести, что на вверенном мне пункте имеется весьма значительное количество упорно отклоняющихся от отправления в части войск солдат, каковые получая обмундирование, и продавая его, вновь бесконечно являются на пункт с целью получения обмундирования. Кроме того, по имеющимся у меня сведениям, как в самом Гомеле, так и в окрестностях Гомеля, скрываются беглые солдаты, учиняющие грабежи и насилия над гражданами и разлагающе действующие на более благонамеренные элементы солдат. Помимо этого в большом количестве уклоняющиеся от отправления в части войск, солдаты работают на пристани у частных лиц, по разгрузке и выгрузке барж, с целью личного заработка, укрываясь ночью в баржах. Все вышеуказанные дезертиры ежедневно по сигналу на вверенном мне пункте на обед являются массами и, смешиваясь с находящимся на пункте пересыльными, получают обед, внося тем большую путаницу в деле довольствия, причиняя большие убытки казне и не давая возможности вести учет людей, состоящих на довольствии. Осветив вкратце все нежелательные явления, связанные с дезертирством, и считаясь с необходимостью искоренения дезертирства с 15 мая, я позволяю себе высказать те меры, которые Вы по соглашению с Военной Секцией, признаете возможными, желательно бы применить с 15 мая. Прежде всего, необходимо очистить с 15 мая пункт от дезертиров и одновременно провести облаву в городе и в близлежащих деревнях, путем привлечения для этой цели солдат учебной команды II пех. Запасного полка и, имеющихся в Вашем распоряжении Псковского Драгунского полка. Оцепив распределительный пункт и выяснив дезертиров, передать таковых на 143 этап, для отправления под конвоем в действующую армию, как равно и всех задержанных в городе и в окрестностях. Конечно, было бы лучше, если явится возможность, не передавая их на 143 этап, посадить в заранее заготовленные вагоны и под конвоем Псковского Драгунского полка, направить непосредственно в действующую армию. Такой порядок оцепления необходимо производить с 15 мая в течение недели ежедневно, далее же два раза в неделю. Со своей стороны я могу выделить в помощь офицеров и солдат учебной команды II пех. Запасного полка, роты ополчения 483 пех. Московской дружины и офицеров вверенного мне пункта» [14, л. 48].

Что касается динамики дезертирства, то это вопрос, требующий дополнительного изучения и уточнения. Характерной особенностью количественного учета дезертиров является то, что эмигрантские историки их число после февраля 1917 года сознательно завышали, чтобы показать революционное разложение армии, в советской историографии данные о количестве дезертиров уменьшались, дабы показать, что дезертирство – следствие деградации старой власти, а не только активной пропаганды большевиков и эсеров. Согласно сведениям Ставки, до 1 марта 1917 года дезертировало 13648 солдат [17, с. 133].

По данным Н.Н. Головина, общее число дезертиров с июля 1914 по февраль 1917 года было сравнительно невелико. В своей работе он указывает цифру в 195130 человек или по 6346 человек в месяц. С февраля 1917 года цифры даны более детально. С мая по август 1917 года количество дезертиров увеличивается в пять раз и достигает цифры в 30900 человек, а к концу войны, по подсчетам Головина, общее количество дезертиров составляет 1900000 человек [7, с. 242, 245].

В работе «Россия в Первой мировой войне (в цифрах)» (1925 г.) данные несколько иные. До Февральской революции их количество составляло 195130 человек, что совпадает с цифрами, приведенными Головиным, но далее данные рознятся. Всего за всю войну по сведениям в сборнике, дезертиров на всех фронтах насчитывалось 365137 человек. После Февральской революции до мая 1917 года количество дезертировавших со всех фронтов – 85921 человек, из них 24700 человек дезертиры Западного фронта. С 15 мая по 1 июня 1917 года – 16342 человека, из них 5660 человек на Западном фронте; с 1 июня по 15 июня 1917 года – 11213 человек, из них 3246 человек; с 15 июня по 1 июля 1917 года – 19294 человека, из них 5294 человека на Западном фронте. С 1 по 15 июля 1917 года – 23432 человека, из них 6159 человек на Западном фронте. С 15 июля по 1 августа 1917 года всего – 13805 человек, из них на Западном фронте 1816 – человек [16, с. 26].

Официальные данные Ставки говорят о 170 000 дезертиров после революции, но эта цифра – лишь те сведения, которые вообще дошли до Верховного главнокомандования. Кроме того, сюда, очевидно, не входят данные за осень, практически переставшие поступать в высшие штабы. Действительно, перепись 25 октября 1917 года показала, что фронт еще считает в себе миллионы штыков (вернее – «едоков») [11, с. 322].

Подводя итоги, следует отметить, что дезертирство – это социальный феномен. Следует согласиться с М.В. Оськиным, утверждающим, что русское дезертирство 1917 года – это социокультурное явление, напрямую зависевшее от тех политических процессов, что происходили внутри страны [11, с. 324].

Заключение. Дезертирство как явление существовало на всем протяжении Первой мировой войны. После Февральской революции 1917 года и демократизации армии оно усилилось. Дезертирство – показатель развала армии и дезорганизации жизни в стране. Причины его кроются, по-нашему мнению,

в комплексе социально-политических проблем. Прежде всего, в усталости солдат от войны, в непонимании ими целей и задач войны, в нерешенности аграрного вопроса в преимущественно аграрной стране. Причиной дезертирства была и слабость власти, постепенное падение авторитета Временного правительства в глазах народа. Важную роль сыграла политическая пропаганда эсеров и большевиков, способствующая углублению кризиса в армии и, как следствие, расширению масштабов дезертирства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асташов, А. Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность / А. Б. Асташев. – М. : Новый хронограф, 2014. – 740 с.
2. Базанов, С. Н. К истории развала русской армии в 1917 году / С. Н. Базанов // Армия и общество 1900–1941 гг.: статьи и документы / редкол.: В.П. Дмитриенко (отв. ред.), Б. И. Зверев, Г. А. Куманев. – М., 1999. – С. 51–76.
3. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914 – 1918) : сб. документов / сост.: В. В. Врублевский [и др.] ; редкол.: В. И. Адамушко (председатель) [и др.]. – Минск : Беларусь, 2014. – 355 с.
4. Белявина, В. Н. Беларусь в годы Первой мировой войны / В. Н. Белявина. – Минск : Беларусь, 2013. – 398 с.
5. Бондаренко, В. В. Утерянные победы Российской империи / В. В. Бондаренко. – Минск : Харвест, 2010. – 448 с.
6. Булдаков, В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 967 с.
7. Головин, Н. Н. Россия в Первой мировой войне / Н. Н. Головин. – М. : Вече, 2014. – 544 с.
8. Гончаров, В. Л. 1917. Разложение армии / В. Л. Гончаров. – М. : Вече, 2010. – 496 с.
9. Игнатенко, И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И. М. Игнатенко. – Минск : Наука и техника, 1986. – 344 с.
10. Лисова, Л. М. События Февральской и Октябрьской революций 1917 г. на территории Беларуси по документам Национального исторического архива Беларуси [Электронный ресурс] // Национальный исторический архив Республики Беларусь. – Режим доступа: http://niab.by/stat/ok_rev/ Дата доступа: 17.01.2016.
11. Оськин, М. В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы / М. В. Оськин. – М. : Вече, 2011. – 432 с.
12. Оськин, М. В. Российские дезертиры Первой мировой войны / М. В. Оськин // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. – 2012. – Вып. 5 (60). – С. 46–60.
13. Приказ № 82 Гомельскому гарнизону 25 апреля 1917 года // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1452. Оп. 1. Д. 5. Декларации фракций РСДРП и Бунда Гомельского Совета рабочих депутатов третьего созыва.
14. Рапорт Заведующего Гомельским распределительным пунктом по части строевой № 21124 от 14 мая 1917 года // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1452. Оп. 1. Д. 5. Декларации фракций РСДРП и Бунда Гомельского Совета рабочих депутатов третьего созыва.
15. Революционное движение в русской армии 27 февраля – 24 октября 1917 года : сб. документов / под ред. Л. С. Гапоненко. – М. : Наука, 1968. – 621 с.
16. Россия в мировой войне 1914 – 1918 года (в цифрах) / Центральное статистическое управление. Отдел военной статистики / под ред.: В. П. Ефремова – М. : Изд-во ЦСУ СССР, 1925. – 105 с.
17. Савицкий, Э. М. Революционное движение в Белоруссии (август 1914 – февраль 1917 гг.) / Э. М. Савицкий / науч. ред. К. И. Шабуня. – Минск : Наука и техника, 1981. – 182 с.
18. Смольянинов, М. М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году / М. М. Смольянинов. – Минск : Белорусская наука, 2007. – 259 с.
19. Трещенок, Я. И. История Беларуси : в 2 ч. / Я. И. Трещенок. – Могилев : Могилевский гос. ун-т, 2003. – Ч. 1 : Досоветский период. – 176 с.

Поступила 21.06.2016

DESERTION OF THE RUSSIAN SOLDIERS ON THE WESTERN FRONT DURING THE PERIOD FROM FEBRUARY 1917 TO OCTOBER 1917

A. POPOV

This article presents the desertion problem in Russian army on the Western Front within the period from February to October 1917. It estimates state of knowledge on this issue in pre-revolutionary, Soviet and modern National and Russian historiography. The article analyses the politico-social and economic cause system fostering desertion as a social phenomenon and symbolizing the weakness of government institutions, collapse of the armed forces and, subsequently, desertion. Based upon different sources it also analyses dynamics of the number of deserters in 1917 and desertion control measures taken by Russian Provisional Government.

Keywords: *desertion, Western Front, World War I, the February revolution, the Provisional Government.*